

ПОСТКОЛОНИАЛЬНОСТЬ СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ СИНДРОМ

М.Г. АГАПОВ, В.Н. АДАЕВ, М.Г. ГАНОПОЛЬСКИЙ,
В.П. КЛЮЕВА, Н.А. ЛИСКЕВИЧ, Р.О. ПОПЛАВСКИЙ

Интерес к проблеме отечественной колонизации и ее роли в истории страны пережил за последние два-три десятилетия несколько спадов и подъемов. При этом тема колонизации никогда не была для отечественного гуманитарного знания закрытой. Давно стало хрестоматийным замечание В.О. Ключевского: «История России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией»¹. Но Ключевский — не первый, кто сформулировал свой взгляд на отечественную историю подобным образом. Его предшественником был С.М. Соловьев, утверждавший: «В русской истории мы замечаем то главное явление, что государство при расширении своих владений занимает обширные пустые пространства и населяет их, государственная область расширяется преимущественно посредством колонизации»². Но и Соловьев не был первооткрывателем этого взгляда — он развил мысль своего учителя М.П. Погодина о «бродяжничестве» населения Древней Руси³. Нечто подобное нетрудно обнаружить и в размышлениях П.Я. Чаадаева, утверждавшего, что «есть один факт, который властно господствует над всем нашим историческим движением, который красной нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию... это — факт географический»⁴.

Впрочем, истоки такого видения проявились намного раньше, поскольку еще до того, как стать достоянием общественной мысли, отразились в фольклоре и прочно закрепились в языке. Так, русский историк XIX в. А.П. Шапов обращал внимание на обилие в русском языке антропоморфных слов, связанных с духовно-практическим опытом народа. Одним из самых показательных он считал слово «вселенная», из которого, как ни смотри, выглядывают «уши» русского мужика, занятого привычным делом — вселением в новый дом⁵. Вселенная для него — не какой-то там абстрактный *космос*, даже не *ойкумена* (хотя *вселенная* считается калькой этого слова), но *мир* (община), *дом*, куда предстоит *вселиться* всем *миром*.

Может быть, в такой привычности и проявляется некий инвариант культурной динамики — экстенсивное стремление к вселению. Особого внимания в связи с этим заслуживает жанр русского утопического романа в форме путешествия с плавным переходом от земных реалий к космическим. Близкие мотивы прослеживаются в произведениях русских мыслителей-космистов. Н.Ф. Федоров в своем космическом

проекте преобразования мира на началах общего дела говорит об этом достаточно определенно: «Ширь русской земли способствует образованию подобных характеров (Федоров имеет в виду богатырей, землепроходцев, казачество и т.д.); наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига»⁶. Таким образом, тезис о географичности, об истории как смене мест, предстает как своеобразная синтагма отечественной культуры, проявляющаяся в парадигмах крупных колонизаций-освоений (в этом смысле — и в освоении космического пространства) и даже в торговле пространством в обмен на деньги и время (достаточно вспомнить судьбу Аляски или Брестского мира).

В постколониальных исследованиях (postcolonial studies), получивших широкое распространение во второй половине XX в., было введено аналитическое различие внешней и внутренней колонизации. Последняя понимается как применение практик колониального знания и управления внутри политических границ государства⁷. С этой точки зрения, имперский опыт России представим как история ее внутренней колонизации, а колонизация Сибири — как наиболее показательная глава этой истории. Хотя в гуманитарных дисциплинах западных стран использование методологии postcolonial studies применительно к советскому опыту началось еще в конце 1980-х гг. (У. Питц, Э. Стефенсон)⁸, интенсивное обсуждение постколониальной проблематики на советском и постсоветском материале развернулось только в 2000-е гг. В дальнейшем установился, пусть и не всегда явный, диалог между представителями традиционного отечественного и западного постколониального дискурсов. Недавним примером такого диалога можно считать почти одновременный выход двух книг: второго издания книги Александра Эткинда «Внутренняя колонизация»⁹ и монографии А.В. Головнева «Феномен колонизации»¹⁰. Как попытку дальнейшего развития этого диалога мы и рассматриваем данную статью.

Колониальная ситуация

В исходной своей версии постколониализм представляет собой концептуальный дискурс, восходящий к программной работе Э. Саида «Ориентализм», нацеленной на экспликацию власти-знания (М. Фуко) и власти-гегемонии (А. Грамши) как инструментов западной колонизации. Иначе говоря, постколониализм представляет собой не особый мир и, тем более, не какой-то этап его развития, но точку зрения на мир, способ аналитического отстранения. Организующим ядром постколониальных исследований становится колониальная ситуация. «Определяющим для колониальной ситуации является не отношение к средствам производства, конституирующее классы в индустриальном обществе, но отношение к знакам разли-

чий, конституирующим власть. Колониальная ситуация основана на культурной дистанции между теми, кто осуществляет власть, и теми, кто подвергается эксплуатации. Нет культурной дистанции — нет колониальной ситуации. Работа с культурной дистанцией между властью и подданными — ее преувеличение и демонстрация, минимизация и отрицание, “изучение” и конструирование — является ключевым элементом всякой колониальной политики. Эта дистанция маркируется разными средствами — расовыми, этническими, лингвистическими, религиозными, юридическими, одним словом, культурными»¹¹.

Попытаемся спроецировать этот взгляд на отечественную проблематику. Так, авторы работ, выполненных в духе *postcolonial studies* часто используют выражение «колонии — это лаборатории современности». Действительно, на протяжении последних четырех столетий территория Сибири неоднократно являла собой арену крупных социальных экспериментов. С нарастающей частотой они не столько повторяли, сколько предвосхищали поворотные моменты отечественной истории. В этом ключе рассмотрим динамику колониальной ситуации в Сибири в трех основных аспектах: этнонациональном, религиозно-конфессиональном и просвещенческом (образовательном). Именно по этим векторам колониальная ситуация изменялась наиболее существенно и динамично.

Колонизация Сибири: имперский опыт

Исторически Сибирь была полиэтничным регионом, русское население осваивало территории, уже заселенные коренными народами. В XIX в., констатируя тесное взаимовлияние и взаимодействие коренного и пришлого населения в особых природных и социальных условиях края, исследователи Сибири выдвинули тезис о формировании особого историко-культурного типа «сибиряк». Идеолог областничества Н.М. Ядринцев считал, что русские сибиряки являются отдельным, самобытным этнографическим типом со своеобразным региональным мировоззрением, самостоятельной группой русского населения России, составляют «особый народ», во многом не похожий на русских в Европейской России¹². В конце XIX — начале XX в. полиэтничные районы демонстрировали общие объединяющие черты, не подавлявшие при этом культурного своеобразия отдельных этнических сообществ. Сибирский интернационализм сформировался исторически именно благодаря колонизационному фактору, когда формула «Человек на своем месте» имела и прямой (географический), и переносный (социальный) смысл. Места было много и обустраивать его надо было сообща. И по сей день, по мнению ряда исследователей, для населения Сибири именно местная идентичность является более осознанной и устойчивой,

нежели социальная, этническая или же конфессиональная¹³. (Исключением являются, пожалуй, лишь коренные народы Севера — у них сибирская идентичность все-таки на втором плане в сравнении с их этнической принадлежностью¹⁴.)

Процесс освоения новых земель в Сибири сопровождался включением их в систему административно-территориального деления России, взаимодействием с аборигенным населением и определением их сословно-правового статуса. Политика категоризации была связана, в первую очередь, со степенью оседлости и характером хозяйства¹⁵. Этнонимы, использовавшиеся административными органами в отношении сибирских народов, были довольно размытыми. Для самих же представителей коренного населения во многих случаях первостепенное значение имела принадлежность к родовым и территориальным группам, в соответствии с которой они именовали и различали себя и соседей.

Ситуация кардинально изменилась после 1917 г., когда главным критерием категоризации сибирского населения стал этнический признак, определивший затем наименования новых административно-территориальных единиц — национальных округов, образованных в 1930 г. Введение же новых единых этнонимов для народов Севера Западной Сибири (ханты, манси, ненцы, селькупы) происходило в 1920 — 1930-х гг. практически одновременно с разработкой письменности для них. При этом в создании и утверждении этнонимов важную и активную роль сыграли этнографы¹⁶. Данный процесс классификации, при всей его опоре на научную методологию, не смог избежать субъективизма. По сути дела, авторитетное мнение нескольких специалистов определяло, считать ли какой-то этнический коллектив самостоятельным народом или лишь частью другого этноса. В итоге, на протяжении нескольких поколений представители различных территориальных групп хантов или селькупов свыкались с тем, что они, расселенные дисперсно на обширных пространствах Сибири, составляют в сумме единые народы¹⁷.

Примечательным феноменом стал так называемый «дрейф этничности» сибирского населения. Проявлялся он как в форме этнической мимикрии (например, выдача себя за представителя титульной нации автономного округа с целью получения правовых льгот), так и при зарождении локальных межэтнических коллективов (например, в пределах одного речного бассейна). Подобные процессы, являясь результатом длительных межэтнических контактов, имеют выраженную локальную специфику, поэтому их удобнее рассматривать и анализировать на примере отдельных контактных зон¹⁸.

В государственной политике XX — XXI вв. выделяются две разнонаправленные тенденции, связанные как с сохранением этнических традиций и родных языков, так и с унификацией культур. Так при

декларировании идеи сохранения этнокультурного разнообразия реально преобладала (особенно со второй половины 1930-х гг.) тенденция унификации. В первую очередь, она затронула сферу школьного образования на русском языке и по единым учебникам¹⁹. Крупномасштабные инвестиции центра в распространение единых стандартов культуры, образа жизни, идеологии сочетались с возможностью полного контроля над этническими сообществами.

Важной частью русской колонизации Сибири было распространение христианства. На земли, где сосуществовали ислам (Сибирское ханство) и традиционные верования коренного населения, приходит православие. В 1620 г. учреждается особая Сибирская епархия – архиепископия с центром в Тобольске (с 1664 г. – митрополия). Ее границы распространялись от Урала на восток без четко установленных пределов и расширялись по мере продвижения военных отрядов и поселенцев и возникновения населенных пунктов. С 20-х гг. XVIII в. территория архиепископии начинает уменьшаться. Возникают новые сибирские епархии, границы которых постепенно совпадают с границами сибирских губерний.

Деятельность православной церкви в Сибири соединила церковный интерес (проповедь о спасении среди коренного населения и попечение над христианскими душами) и государственный (проведение государственной политики по объединению и собиранию земель). Наиболее активно сочетание государственно-конфессиональной политики проявилось в миссионерской деятельности. Уже к концу XIX в. доля православного населения Сибири достигала 87%. И хотя в этот период на роль главного фактора интеграции претендовал уже не конфессиональный выбор в пользу православия, а использование русского языка, религиозная принадлежность оставалась по-прежнему актуальной. Культурная мозаика в религиозном пространстве Сибири поддерживалась присутствием здесь представителей различных этноконфессиональных групп. Начиная с XVII в. выделяются «иноземческие» категории, объединяющей характеристикой для которых являются религиозная принадлежность и место проживания до прихода в Сибирь. А на рубеже XIX – XX вв. в Сибири появляются новые религиозные группы – представители протестантских деноминаций.

Смена общественно-политического строя в 1917 г. повлекла изменение и религиозной ситуации в целом. Ликвидация статуса православия как государственной религии воодушевила другие конфессии, стимулировала их миссионерскую активность. Однако на рубеже 1920 – 1930-х гг. начался массовый погром религиозных организаций. Официально зарегистрированными религиозными объединениями были только общины РПЦ, организационно относившиеся к Омской и Тюменской епархии, и евангельские христиане-баптисты, центром

притяжения которых был Омск. Другим верующим приходилось собираться тайно, нелегально. Количество официально разрешенных религиозных объединений изменилось только в 1980-е гг., когда процедуру регистрации смогли пройти мусульмане (1980) и адвентисты седьмого дня (1984). Большинство действующих в настоящее время религиозных групп и объединений были зарегистрированы только в середине 1990-х гг.

Важным инструментом колонизации является образование. Первоначально оно имеет преимущественно просветительский статус и воспринимается как вид миссионерской деятельности. Но по мере своего развития обретает характер духовно-практического производства²⁰. Поскольку колониальная ситуация отличается динамизмом, в определенных условиях высшие учебные заведения могут стать важнейшими агентами деколонизации. Именно поэтому «университетский вопрос в Сибири был всегда вопросом политическим»²¹. В 1803 г. в Российской империи было создано шесть учебных округов с императорским университетом во главе каждого из них. По сравнению с центральными районами страны преобразование сибирских народных училищ в гимназии затянулось на полвека²². Ситуация изменилась лишь в последней четверти XIX в., когда правительство взяло курс на хозяйственное освоение региона. Развитие социальной инфраструктуры («церковь, больница, школа») рассматривалось как залог успешной реализации программы массового переселения крестьян из Центральной России в Сибирь²³. Кроме того, запрос на образование формировался в это время и местными городскими сообществами²⁴. В итоге складывающаяся в Сибири на рубеже XIX – XX вв. система образования приобретала колониальные черты. Для нее было характерно: 1) опора на начала христианской религии; 2) развитие школ исключительно низшего и среднего звеньев; 3) ориентация учебных заведений на специализированные формы знания (технические и ветеринарные школы, ремесленные и коммерческие училища).

Правительство поддерживало, да и то в весьма ограниченных масштабах, развитие в Сибири лишь начального и среднего профессионального образования. Как отмечают исследователи: «Если государство все же выделяло довольно значительные суммы именно на открытие профессиональных учебных заведений, то в дальнейшем объем казенного финансирования резко сокращался, и значительная часть их содержания переходила на уровень местной власти и общественной благотворительности»²⁵. С точки зрения имперского центра, если Сибирь и нуждалась в светских учебных заведениях, то лишь в технических и коммерческих, т.е. таких, которые, выражаясь языком М. Вебера, учат «технике овладения жизнью» (профессиональное образование), но не «методам мышления»

(классическое образование). Техническое образование – это дар метрополии своим колониям, тогда как классическое образование, дающее навыки рефлексии смыслов деятельности, – исключительная прерогатива самой метрополии. Примечательно, что в первом в Сибири университете, основанном в 1878 г. в Томске Министерство народного просвещения разрешило открытие только одного факультета – медицинского. Классическим же Томский университет стал гораздо позже. Признание государством образования наряду с «крестьянским плугом» значимой частью процесса колонизации²⁶ сделало возможным открытие в Сибири учительских семинарий и учительских институтов. В советский период они стали одной из опор формирования территориальной системы высшего образования: на основе учительских институтов, переживших Гражданскую войну, были открыты высшие институты народного образования (ИНО), позже ставшие пединститутами.

В годы Революции и Гражданской войны новые университеты открылись в Иркутске (1918), Екатеринбурге (1920) и Владивостоке (1920). Однако в дальнейшем в связи с началом индустриализации приоритет вновь был отдан техническим вузам. Система высшего образования должна была стать кузницей инженерно-технических кадров. Схема ее формирования напоминает схему Великой греческой колонизации VIII – VI вв. до н.э., представлявшей собой разветвляющийся процесс, в котором воспроизводился один и тот же образец (полис) в последовательно уменьшающемся масштабе. Таким образом, метрополия производила колонию, которая по мере накопления экономического потенциала начинала производить собственные колонии.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. центральные вузы приступили к формированию в Сибири своих форпостов – учебно-консультационных пунктов (УКП), – на основе которых в ряде случаев вырастали новые вузы. Так, на базе открытого в Норильске в 1947 г. УКП Всесоюзного заочного политехнического института в 1961 г. был образован Норильский вечерний индустриальный институт (с 1987 г. – Норильский индустриальный институт).

С началом индустриального наступления на Западно-Сибирскую нефтегазоносную провинцию возникла потребность в высококвалифицированных специалистах соответствующих отраслей. Поэтому в 60-е гг. свои филиалы в Тюменской области открыли вузы Свердловска, Томска и Новосибирска. Затем семейство вузов пополнилось медицинским, индустриальным и строительным институтами. В 1973 г. на базе Тюменского пединститута был открыт Тюменский госуниверситет – 6-й в Сибири и 59-й в стране. Что же касается вузов гуманитарного профиля, то на севере Западной Сибири их филиалы появились только во второй половине 1980-х гг.

Регионализация

Отступление центральной власти в 1990-е гг. под известным лозунгом «берите суверенитета столько, сколько сможете унести» вызвало к жизни феномен регионализации — своего рода внутреннюю деколонизацию. Не случайно термин «регион» приобрел популярность в отечественном общественно-политическом лексиконе именно в это время. Из специальной научной литературы (в основном, географической) он перекочевал в статьи публицистов и речи политиков, прочно обосновался в повседневной лексике, стал ключевым в особом *региональном дискурсе*, ознаменовавшем не столько очередную трансформацию пространственного бытия россиян, сколько смену общественного строя.

Наиболее отчетливо такого рода регионализация проявилась в Тюменской области. Согласно Конституции РФ 1993 г., Ханты-Мансийский (ХМАО) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа стали полноправными субъектами Федерации, входящими вместе с тем в состав Тюменской области на основе двухсторонних договоров (сложносоставной регион, «тюменская матрешка»). С этого времени берет начало продолжающийся по сей день процесс неартикулированного противостояния Юга области с центром в Тюмени (никак не оформленного в правовом отношении остатка от ее раздела) и округов (ХМАО и ЯНАО), стремящихся к дальнейшей «суверенизации». Не лишним будет напомнить, что ХМАО обеспечивает 60% российской нефтедобычи, а ЯНАО — 90% добычи газа. В эпоху «парада суверенитетов» это обстоятельство резко усилило позиции окружных элит. Сегодня мы фиксируем несколько ментальных образов Тюменской области. Если «южане» по-прежнему воспринимают ее как крупнейший субъект Российской Федерации, на территории которого может поместиться несколько европейских стран, то «северяне» понимают под Тюменской областью только ее Юг. В ХМАО и ЯНАО активно внедряется собственная региональная эмблематика, важной частью которой являются стилизованные изображения контуров округов²⁷. Тем самым конфликт на символическом поле становится индикатором тлеющего внутрирегионального конфликта.

Однако было бы неверно относить истоки Западно-Сибирского регионального синдрома исключительно к «лихим» 90-м. Как это часто бывает в колониальной ситуации, одни и те же факторы работают как на укрепление, так и на ослабление триединой тотальности, объединяющей Власть, Собственность и Территорию²⁸. Так, в советский период практика патернализма по отношению к коренным малочисленным народам Севера представляла собой диктат, присущий всем колониальным державам, ограничивающий свободу выбора при наличии определенных льгот. При этом отношения конкуренции среди представителей коренных малочисленных на-

родов за получение квотированных привилегий не способствовали солидаризации, несмотря на существование объединительных институтов — общественных движений, ассоциаций и пр. Патерналистская политика государства в комплексе с административным делением по этническому принципу привела в итоге к разломам некогда единой социально-территориальной общности, т.е. в какой-то мере явилась детонатором регионализации. И теперь названия «Ямал» и «Югра» (именно так чаще всего именуют себя теперь ЯНАО и ХМАО) не только маскируют реальные пространственные представления, но и являют собой ментальные конструкции, призванные подчеркнуть историческую укорененность и этнокультурную уникальность «своего» края²⁹.

Да и практика формирования вузами региональной сети филиалов, вылившаяся в 1990 — начале 2000-х гг. в настоящий «филиальный бум», сложилась еще в советский период. Хотя, конечно, разница между двумя этапами «филиализации» весьма существенна. Она заключается не столько в масштабах явления, сколько в его качественных характеристиках. Советская «образовательная колонизация» Сибири подчинялась решению задач индустриализации, направлялась и контролировалась единым центром. Это был в высокой степени организованный, более или менее просчитанный и спланированный процесс. В постсоветский же период некогда единое образовательное пространство стало полем борьбы региональных элит. Создание собственной, по возможности независимой от Юга, системы высшего образования являлось важнейшим пунктом программы суверенизации северных округов. В ЯНАО эта задача была решена за счет открытия ямальского образовательного пространства для внерегиональных государственных и негосударственных вузов, создавших там свои филиалы и представительства. В 1990-х — начале 2000-х гг. «образовательная колонизация» все чаще представляла собой стихийное явление. Каждый вуз, перефразируя известное высказывание того времени, мог вывести столько филиалов, сколько ему позволяли собственные ресурсы. Возник целый класс виртуальных или полувиртуальных вузовских форпостов.

Наряду с регионализацией образовательного пространства, определенным образом коррелируя с ней, шел в Сибири и так называемый процесс «религиозного возрождения». Имел он и свой специфический региональный акцент. В Тюменской области участниками этого процесса были как традиционные религиозные общины, присутствовавшие здесь с досоветских или советских времен, так и новые религиозные объединения. Этот процесс, охвативший территорию всей Тюменской области, был, тем не менее, организационно оформлен в рамках существовавших административно-территориальных границ и практически не пересекал их.

Отразился он и на способах институционализации религиозных объединений. Образованная в начале 1990-х Тобольско-Тюменская епархия Русской православной церкви первоначально объединила в себе всю территорию области в ее административных границах. Ярким примером ориентации на административно-территориальные границы субъекта федерации стало в последние годы образование новых епархий и митрополий Русской православной церкви. В 2011 г. из состава Тобольско-Тюменской епархии были выделены Ханты-Мансийская (в пределах ХМАО) и Салехардская (в пределах ЯНАО) епархии, в ведении Тобольской кафедры остался лишь Юг Тюменской области. В 2013 г. Тобольская кафедра получила статус митрополии, объединив в себе Тобольско-Тюменскую и выделенную из ее состава Ишимско-Аромашевскую епархии. Как представляется, митрополия была организована для удобства и централизации общения со светскими властями региона³⁰.

Образовавшийся в 1993 г. Союз миссий христиан веры евангельской (СМ ХВЕ) включил в себя общины классических пятидесятников на обширной территории Тюменской области и Северного Казахстана, ранее, в советское время, входивших в одно пятидесятническое братство. Тюменские баптисты выделились из Омского братства ЕХБ, и теперь на территории области существуют региональные объединения церквей, относящиеся как к Уральскому территориальному округу (церкви Тюменской области и ХМАО), так и к Сибирскому округу (церкви ЯНАО). Новые религиозные объединения, прошедшие этап институционализации позже — в конце 1990-х — начале 2000-х гг., постепенно сосредоточили свою деятельность в административно-территориальных границах сложносоставного субъекта федерации. Если миссионерская деятельность Тобольско-Тюменской епархии Русской православной церкви опирается на доктрину «канонической территории», закрепленную в «Основных принципах отношения РПЦ к инославия», где неправославным христианам отводится деятельность только «среди групп населения, традиционно к ним принадлежащих»³¹, то протестантские объединения делают ставку на миссионерство среди коренных малочисленных народов Севера, напоминающее миссионерство православной церкви среди них же в предыдущие столетия, а также на образование «дочерних церквей» в ХМАО и ЯНАО³².

Заключение

Трансформации, связанные как с расширением или сжатием государственных границ, так и с изменениями схемы административно-территориального деления, происходили в России неоднократно. Тюменская область в этом отношении показательна. Она была образована в 1944 г. в результате перекройки границ, завершившей

20-летний период непрерывных изменений административно-территориального деления в этой части Западной Сибири. Истинные мотивы ликвидации Тюменской губернии в начале 1920-х гг. и возврат к Тюменской области уже в новой конфигурации вряд ли так уж просто сейчас обнаружить. Но организационная подоплека подобных административно-территориальных метаний объяснима. Речь может идти о конфликте между оргструктурами различной геометрии: властной (древовидной) и поселенческой (реляционной). Конфликт этот имеет давнюю традицию. В его основе опять-таки лежит колониальный фактор русской истории в сочетании с централизованной самодержавной властью. Послереволюционная история страны лишь трансформировала эту тенденцию. В условиях единства собственности и власти она приобрела форму конфликта ведомственности и местничества. Центр в качестве арбитра маневрировал между указанными позициями.

Период нового промышленного освоения 1960-х гг. был переходным с точки зрения роли властного типа организации. Его явное доминирование над производственной оргструктурой было в прошлом, а технологизация и децентрализация процесса еще не произошли. Из Великой Отечественной войны страна вышла, вооруженная совершенно новым организационным опытом. Он укрепился в период послевоенного восстановления хозяйства и в какой-то степени предопределил последующую децентрализацию административно-территориального и экономического управления. Этот опыт в полной мере проявился в годы нового индустриального освоения Тюменской области, прежде всего как масштабный опыт штабно-фронтового «захвата» территории, расквартирования на ней, сооружения опорно-тыловых баз, налаживания не только производства, но и минимального быта и т.д. Если в ряде экономических районов страны процесс децентрализации тормозился из-за неразвитости периферийной (местной) организации производства, то в сибирских регионах все разворачивалось по иной схеме: создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении. Децентрализация управления в 1990-е гг., вылившаяся в «парад суверенитетов», и породила региональный синдром — своего рода внутреннюю деколонизацию, проявления которой наиболее ярко демонстрирует во многом типичный, но в чем-то и уникальный сложносоставной субъект РФ, каким является Тюменская область.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 кн. Кн. 1. – М., 1993. С. 20.

² Соловьев С.М. Избр. труды. – М., 1983. С. 28.

³ См.: Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев. – М., 1990. С. 259 – 267.

- ⁴ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Соч. – М., 1989. С. 161.
- ⁵ См.: Щанов А.П. Соч. Т. 1. – СПб., 1906. С. 74.
- ⁶ См.: Федоров Н.Ф. Соч. – М., 1982. С. 358.
- ⁷ См.: Эткинд А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри. Практики внутренней колонизации и истории России: Сб. статей / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М., 2012. С. 12.
- ⁸ Постсоветское сознание и postcolonial studies. От редактора // Новое литературное обозрение. 2008. № 94. С. 4.
- ⁹ См.: Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- ¹⁰ См.: Головнев А.В. Феномен колонизации. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015.
- ¹¹ Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 111.
- ¹² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892. С. 137.
- ¹³ См.: Жигунова М.А. Население Сибири: межэтнические контакты и проблемы региональной идентичности // Население Сибири: межнациональные отношения, образование и культурная идентичность: сб. науч. тр. / под ред. М.А. Жигуновой, Е.М. Данченко. – Омск: Полиграфический центр КАН, 2011. С. 164; Ремнев А.В. Национальность «сибиряк»: региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития. 2011. № 3. С. 109; Сверкунова Н.В. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. – СПб.: НИИ Химии СПбГУ, 2002.
- ¹⁴ См.: Васеха М.В. Кто такой «сибиряк»: что такое сибирская идентичность // Вестник Российской нации. 2014. № 6. С. 326.
- ¹⁵ См.: Соколовский С.В. Национальные меньшинства в постсоветской России: международно-правовые аспекты // Диаспоры. 2011. № 2. С. 178 – 196; Конев А.Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6. Ч. 1 (44). С. 81 – 86.
- ¹⁶ См.: Миссонова Л.И., Соколова З.П. Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX – начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 134; Соколова З.П., Туголуков В.А. Старые и новые названия народов Севера // Советская этнография. 1983. № 1. С. 79 – 81.
- ¹⁷ См.: Андерсон Д.Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. С. 77 – 105; Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. С. 7, 252.
- ¹⁸ См.: Адаев В.Н. «А остяки – они же любители одиночества...»: этническая идентичность и этнические стереотипы у населения реки Демьянка в XX – XXI вв. // Уральский исторический вестник. 2011. № 2. С. 63 – 72.
- ¹⁹ См.: Чумак Е.Г. Основные мероприятия государственной образовательной политики в отношении коренного населения Севера в 20 – 50-е гг. XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2008. № 8. С. 109 – 114.
- ²⁰ См.: Литюшенко Д. Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. Университетский опыт европейской образовательной метатрадиции на заре Нового времени. – Lambert Academic Publishing, 2004; Bezangon P. Une colonisation educatrice? L'experience indochinoise (1860 – 1945). – Paris: L'Harmattan, 2002.
- ²¹ Ремнев А.В. Университетский вопрос в Сибири XIX столетия // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 121 – 150.
- ²² См.: Школа общеобразовательная // Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009.

- ²³ См.: Всеподданейший доклад статс-секретаря Куломзина А.Н. по поездкам в Сибирь в 1896 – 1897 гг. – СПб., 1899. С. 61.
- ²⁴ См.: Чуркина Н.И. Особенности становления системы педагогического образования в Западной Сибири (вторая половина XIX – нач. XX вв.) // Вестник ГПУ. 2009. Вып. 12.
- ²⁵ Ищенко О.В. Взаимодействие власти и общественности в деле развития образования в Тобольской губернии на рубеже XIX – XX вв. // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики. Доклады и сообщения Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию образования Сибирской губернии. – Тюмень, 2009.
- ²⁶ См.: Чуркина Н.И. Особенности становления системы педагогического образования в Западной Сибири (вторая половина XIX – нач. XX вв.).
- ²⁷ См.: Агапов М.Г., Корандей Ф.С. Карта Тюменской области как символ: географические топосы в популярной картографии региона, 1964 – 2014 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 1. С. 107 – 115.
- ²⁸ См.: Ганопольский М.Г. Российская регионализация: Тюменская модель // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы Всероссийской конференции. Тюмень, 6 – 10 апреля 2015 г. Институт проблем освоения Севера СО РАН. Вып. 3. С. 225 – 228.
- ²⁹ См.: Гололобов Е.И. Человек и природа на Обь-Иртышском Севере (1917 – 1930): Исторические корни современных экологических проблем. – Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2013. С. 50 – 66.
- ³⁰ См.: Стрельников С.С. Особенности применения понятия «каноническая территория» в современном православном дискурсе // Дискурс-Пи. 2013. Т. 10. № 1 – 2. С. 98.
- ³¹ О «канонической территории» см. подробнее: Агапов М.Г. Богословско-исторические основания принципа «канонической территории Русской православной церкви» // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20 – 22 апреля 2009 г.). – Тюмень: Мандр и Ка, 2009. С. 178 – 182.
- ³² При этом количество «дочерних церквей», как и количество филиалов в случае с образовательными учреждениями, является для протестантов очень важным показателем деятельности.

REFERENCES

- Adaev V.N. “And ostjaks – they are also lovers of loneliness ...”: ethnic identity and ethnic stereotypes among the population in the river Demyanka 20-21 centuries. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal]. 2011. No 2, pp. 63–72 (in Russian).
- Agapov M.G., Korandey F.S. The Map of Tyumen region as a symbol: geographic topoi in the popular mapping of region, 1964-2014. *Vestnik archeologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2015. No 1, pp. 107–115 (in Russian).
- Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge: Polity Press, 2011.
- Ganopol'skij M.G. Russian regionalization: Tyumen model. Man and the North: anthropology, archeology, ecology. *Proceedings of the All-Russia conference. Tyumen, 6-10 April, 2015*. Institute of Northern Development, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 3, pp. 225–228 (in Russian).
- Golovnev A.V. *The phenomenon of colonization*. Ekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 592 p. (in Russian).
- Jadrintsev N.M. *Siberia as a colony in the geographic, ethnographic and historical terms*. Saint Petersburg, 1892 (in Russian).
- Remnev A.V. Nationality “Siberian”: a regional identity and historic constructivism in 19 century. *Politiya*. 2011. No 3 (in Russian).
- Remnev A.V. University question of 19 century. *Ab Imperio*. 2012. No 1, pp. 121–150 (in Russian).

Sokolovskiy S.V. National minorities in post-Soviet Russia: international legal aspects. *Diaspory*. 2011. No 2 (in Russian).

Strel'nikov S.S. Features of the application of the concept of "canonical territory" in the modern Orthodox discourse. *Diskurs-Pi*. 2013. Vol. 10. No 1–2 (in Russian).

Sverkunova N.V. Siberian regional identity: the experience of sociological research. Saint Petersburg, St. Petersburg State University, 2002 (in Russian).

Tishkov V.A. Requiem for Ethnos: Studies in social and cultural anthropology. Moscow, Nauka, 2003 (in Russian).

Аннотация

В статье предложена авторская версия реконструкции процесса колонизации Сибири в социокультурном измерении. Общей концептуальной рамкой работы служит диалог между представителями отечественного и западного постколониального дискурсов. Динамика колониальной ситуации в Сибири рассмотрена в трех основных аспектах: этно-национальном, религиозно-конфессиональном и образовательном.

Ключевые слова: Сибирь, Тюменская область, колонизация, постколониальные теории, миссионерство, образование, этно-конфессиональная политика, регионализация.

Summary

The article offers the author's version of reconstruction of the colonizational process of Siberia in the social and cultural dimensions. The conceptual frame of the work is a dialogue between representatives of Russian and Western post-colonial discourses. The dynamic of the colonial situation in Siberia is considered in the ethno-national, religious-confessional and educational aspects.

Keywords: Siberia, Tyumen region, colonization, postcolonial studies, missionary work, education, ethno-religious policies, regionalization.